

романом". Они были знакомы давно, еще до эмиграции Ивана Яковлевича, работали вместе над оформлением оперы "Садко". Но это были отношения учителя и ученицы. Характер этих отношений изменился во время переписки жившего на чужбине Билибина и Щекотихиной-Потоцкой, которая тоже чувствовала себя одинокой в чуждой ей атмосфере советской России середины 20-х годов.

Версия, что Луначарский послал художницу в Египет, чтобы она вернула художника на родину, скорее всего возникла позже, когда ее уже в конце жизни стал травить Союз художников. Иначе трудно объяснить ее более чем десятилетнее отсутствие в СССР.

В эмиграции Билибин был очень популярен не только в русской среде. Он оформлял французские сказки, занимался театральными постановками в Праге и Париже. Щекотихина-Потоцкая тоже интенсивно работала. В Египте она сделала эскиз костюма лебедя к балетному номеру на музыку Сен-Санса для Анны Павловой, с которой они дружили и которая не раз бывала у них в мастерской в Александрии. А в 1925 г. блюда, расписанные художницей, получили золотую медаль на Международной выставке в Париже. Это, собственно, и стало одной из причин переезда во Францию.

В Париже художники сняли просторную мастерскую в районе, где традиционно живет много русских эмигрантов, на бульваре Пастера, 23, и где по средам у них бывали Добужинский, Чехонин, Александр Бенуа, Керенский, Трубецкой. Внешне этот период их совместной жизни кажется творчески очень насыщенным, материально обеспеченным и счастливым. Но в 30-х годах в среде французской интеллигенции и части русской эмиграции все популярнее становятся левые взгляды. Сталинская дипломатия и пропаганда изо всех сил стараются сделать облик СССР привлекательным для всего, как позже будет сформулировано, "прогрессивного человечества".

Скорее всего под воздействием этих настроений и, конечно, в первую очередь ностальгии Билибин и Щекотихина-Потоцкая вернулись на родину, в то время уже называвшуюся СССР. Репрессии и сталинский террор их чудом не коснулись. Имена художников были столь известны в России и за рубежом, их приезд на родину был так на руку советской пропагандистской машине, что оставалось только всячески областить их и дать возможность работать. Тем более что творчество и Билибина, и Щекотихиной-Потоцкой оказалось совсем нетрудно уложить в рамки формируемой тогда пролетарско-национальной идеологии.

Это действительно так. Но неоспоримо и то, что творчество этих художников и сегодня может стать одним из кирпичиков в строительстве новой российской идеологии. Этот феномен характерен только для настоящих произведений искусства, каковыми и являются работы Билибина и Щекотихиной-Потоцкой. Просто они прежде всего принадлежат российской культуре, и понять это лучше сейчас, пока это не дошло до националистов или тому подобных "патриотов".

Думаю, что именно этими соображениями и было продиктовано обращение самых авторитетных представителей российской интеллигенции в министерство культуры. Эпопея со знаменитой коллекцией художников длится уже не один год. Она была передана государству наследниками безвозмездно с одним-единственным условием — хранить ее целостной, не разделять собрание. В ходе долгой бюрократической переписки удалось добиться организации музея почему-то в Ивангороде. По необъяснимым причинам только там для него нашлось место.

Позже на содержание и этого музея не нашлось денег, и коллекция — более 200 бесценных произведений искусства — перекочевала в запасники дирекции областных музеев в Санкт-Петербурге, где находится и поныне. Совершенно очевидно, что это собрание — никак не областного масштаба, что область не в состоянии организовать ни постоянную экспозицию, ни даже серьезную научную работу по описанию и исследованию коллекции. Такая работа под силу только крупным музеям всероссийской значимости.

Точку в этой истории должно поставить решение министерства культуры о передаче собрания Всероссийскому музею А.С.Пушкина, который готов организовать постоянную экспозицию наследия этих двух ярких художников Серебряного века. Если этот скромный знак препинания не превратится в многоточие бюрократической переписки, то скоро удастся вернуть из запасников то, что по праву принадлежит всей российской культуре.

АЛЕКСЕЙ БОЕВ

Санкт-Петербург

ОБРАЩЕНИЕ

Иван Яковлевич Билибин и Александра Васильевна Щекотихина-Потоцкая вкладывали душу не только в свои произведения, но и в любимого сына — Мстислава Потоцкого. Славчик, как называла его мать, был одаренным и неординарным человеком. Он был умен, блестяще образован, изыскан и смел. Но самое главное — его душа была пропитана билибинской непосредственностью и тем очищающим светом, которым так щедро были наделены его родители. Иван Яковлевич передал ему свою любовь и преданность той великой и прекрасной родине, которая зовется Россией. И щедрым жестом Потоцкий дарит ей замечательную коллекцию работ своих родителей. Он умер 1 декабря 1998 года после тяжелой болезни.

Судьба его дара по сей день остается нерешенной. Нам думается, что самой лучшей формой сохранения коллекции будет создание в Санкт-Петербурге галереи И.Билибина и А.Щекотихиной-Потоцкой. Администрация и общественность Петербурга полностью поддерживают это начинание, но у министерства культуры РФ иное мнение.

Мы обращаемся ко всем людям, которые помнят эту удивительную семью, с просьбой поддержать нас перед министерством культуры РФ. Создание билибинской галереи на берегах Невы станет жестом благодарности современной России замечательным художникам, признанием их заслуг перед своей страной.

С нашими единомышленниками мы будем рады наладить контакты и объединиться в благородном деле сохранения достойной памяти ярких представителей Серебряного века. С нами можно связаться по адресу: Дрезденская ул., д. 8, кв. 28, 194017, Санкт-Петербург.

С глубоким уважением

Н.Н.ПОТОЦКАЯ